

УДК 330.22.01

ЗОИДОВ КОБИЛЖОН ХОДЖИЕВИЧ

к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией
Интеграции российской экономики в мировое хозяйство.
ФГБУН Институт проблем рынка РАН,
e-mail: kobiljonz@mail.ru

РОДИНА ИРИНА БОРИСОВНА

д.э.н., профессор ФГБОУ
«Государственный университет управления»,
e-mail: 9360423@gmail.com

УРУНОВ АСРОР АЛИЖОНОВИЧ

д.э.н., профессор ФГБОУ
«Государственный университет управления»,
e-mail: urunov@rambler.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2021-1-7-16

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ ПАНДЕМИИ COVID-19¹

Аннотация. Предмет. В статье анализируются сущность, особенности и последствия для национальной экономики пандемии коронавируса и связанных с ней тотальных ограничений и карантинных мероприятий. **Цель.** Цель статьи – изложение позиций национальной экономики РФ при проведении государственной экономической политики в условиях глобальных сдвигов и новых больших вызовов, связанных с пандемией COVID-19. **Задачи.** Обосновывается, что важнейшими обстоятельствами, определявшими развитие экономики Российской Федерации и особенности ее макроэкономической политики в 2020 г., выступили: введение карантина и сопряженный с ним спад в глобальной экономике; существенный обвал цен на нефть, обусловленный снижением деловой активности; ограничительные мероприятия по преодолению пандемии COVID-19. **Методология.** В процессе исследования использованы методы эволюционно-институциональной теории, системного анализа и аналитической оценки. **Результаты.** Доказывается, что трансформация экономических отношений в процессе продолжающейся пандемии, основу которых составляют цифровые технологии, вызывающие стремительный многократный рост потоков данных, говорит о формировании принципиально новой экономики и экономической политики, когда доминируют отношения по поводу производства, обработки, хранения, передачи и использования огромного массива цифровых данных для экономического анализа, когда любой субъект национальной экономической системы концентрируется не на присвоении факторов производства, а на данных о них и возможности применения в повседневной деятельности. **Выводы.** Главным драйвером экономического роста выступает существенное увеличение государственных расходов. Дополнительные меры государственной поддержки на поддержку пострадавшим в процессе пандемии отраслям национального бизнеса. **Область применения результатов.** Результаты исследования могут служить основой для разработки стратегических планов модернизации социальной политики и финансовой системы Российской Федерации. **Ключевые слова:** системный анализ, экономическая политика, глобальные риски, пандемия, денежно-кредитная политика, финансовая система, социальная политика, прогноз.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПР РАН, тема НИР «Моделирование процессов обеспечения устойчивого и сбалансированного социально-экономического и пространственного развития России и стран ближнего зарубежья в целях формирования Большого евразийского партнерства».

ZOIDOV KOBILZHON KHODZHIEVICH
Ph. D. in Physics and Mathematics, associate Professor,
head of laboratory Institute of Market Problems of the
Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: kobiljonz@mail.ru

RODINA IRINA BORISOVNA
Dr.Sc. of Economics, Professor
of the State University of Management,
e-mail: 9360423@gmail.com

URUNOV ASROR ALIZHONOVICH
Dr.Sc. of Economics, Professor of the
State University of Management,
e-mail: urunov@rambler.ru

ECONOMIC POLICY OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF GLOBAL RISKS OF THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. Subject. The article analyzes the essence, features and consequences for the national economy of the coronavirus pandemic and the total restrictions and quarantine measures associated with it. **Goal.** The purpose of the article is to present the positions of the national economy of the Russian Federation in the implementation of state economic policy in the context of global shifts and new major challenges associated with the COVID – 19 pandemic. **Tasks.** It is proved that the most important circumstances that determined the development of the Russian Federation's economy and the specifics of its macroeconomic policy in 2020 were: the introduction of quarantine and the associated decline in the global economy; a significant collapse in oil prices due to a decline in business activity; restrictive measures to overcome the COVID-19 pandemic. **Methodology.** In the course of the research, the methods of evolutionary and institutional theory, system analysis and analytical evaluation were used. **Results.** It is proved that the transformation of economic relations in the process of the ongoing pandemic, which is based on digital technologies that cause a rapid multiple growth of data flows, indicates the formation of a fundamentally new economy and economic policy, when relations about the production, processing, storage, transmission and use of a huge array of digital data for economic analysis dominate, when any subject of the national economic system focuses not on the appropriation of production factors, and on the data about them and the possibility of using them in everyday activities. **Conclusions.** The main driver of economic growth is a significant increase in government spending. Additional measures of state support to support the national business sectors affected by the pandemic. **The scope of the results.** The results of the study can serve as a basis for the development of strategic plans for the modernization of social policy and the financial system of the Russian Federation.

Keywords: system analysis, economic policy, global risks, pandemic, monetary policy, financial system, social policy, forecast.

Введение. Актуальность исследуемой проблемы объясняется тем, что важнейшей особенностью современной макроэкономической политики является необходимость ее осуществления в условиях глобальных рисков [7, с. 174], оказывающих шоковое воздействие на глобальную экономику и национальное хозяйство России как ее неотъемлемой и важнейшей составляющей. Подобным глобальным риском выступила пандемия COVID-19 и связанные с ней вынужденные карантинные мероприятия [3–4, 6, 12–14]. По прогнозам Всемирного банка, изложенным в его докладе «Перспективы мировой экономики» за июнь 2020 г., глобальная экономика испытывает снижение на 5,2%, что является самым глубоким экономическим спадом после 1945 г., а сокращение объема производства в расчете на душу населения будет самым существенным для большинства экономик стран мира за период 1870–2020 гг. [1, 8–9].

Пиковое развитие пандемии в марте–апреле 2020 г. и обусловленный данным обстоятельством тотальный карантин вызвали паралич экономической деятельности большинства хозяй-

ствующих субъектов всех стран мира, привели к сжатию платежеспособного макроэкономического спроса, что, в свою очередь, ухудшило все объемные макроэкономические агрегаты, и, как следствие, росту уровня безработицы и снижения объемы торговли. В I кв. 2020 г. наибольший спад ВВП в странах G20 в квартальном исчислении относительно сопоставимого квартала 2019 г. продемонстрировали страны, которые первыми ввели локдаун: Китай – 6,8%, Франция – 5,7% и Италия – 5,6%, Япония – 1,9%, Германия – 2,2% и Великобритания – 2,1%. Даже падение цен на сырьевые товары и слабый спрос «остального мира» на российский экспорт не помешали России в I кв. 2020 г. продемонстрировать незначительное снижение ВВП на уровне -0,1%, в частности, за счет ажиотажного потребительского спроса на отдельные товарные группы. За II кв. 2020 г., на который пришелся пик пандемии, наблюдается значительно более глубокий и синхронный спад всех национальных экономик мира (табл.).

Ранг	Страны мира	ВВП (ППС), млрд долл., 2019 г.	Динамика ВВП, I квартал 2020 г. к I кварталу 2019 г., %	Динамика ВВП, II квартал 2020 г. к II кварталу 2019 г., %	Динамика ВВП, III квартал 2020 г. к III кварталу 2019 г., %	Январь-декабрь 2020 г. в % к январь-декабрь 2019 г.
Топ-25 экономик мира						
1	Китай	23460	-6,8	3,2	4,9	2,1
2	США	21374	0,3	-9,1	-2,9	-4,3
3	Индия	9612	3,1	-23,9	-7,5	-9,0
4	Япония	5459	-1,9	-8,2	-5,9	-5,3
5	Германия	4660	-2,2	-11,3	-4,2	-5,2
6	Россия	4282	1,6	-8,5	-3,5	-3,9
7	Индонезия	3329	3,0	-5,3	-3,5	-1,1
8	Великобритания	3255	-2,1	-21,7	-9,6	-11,3
9	Франция	3315	-5,7	-18,9	-4,3	-8,7
10	Бразилия	3220	-0,3	-9,7	-11,4	-5,8
11	Италия	2665	-5,6	-17,3	-4,7	-6,5
12	Мексика	2604	-1,4	-17,1	-9,8	-4,8
13	Турция	2326	4,5	-9,9	6,7	0,3
14	Республика Корея	2225	1,4	-2,9	-1,3	-1,0
15	Испания	1987	-4,1	-21,5	-8,7	-11,2
16	Канада	1930	-1,9	-11,3	-4,6	-7,8
17	Саудовская Аравия	1676	-1,0	-7,0	-8,2	-5,4
18	Австралия	1352	1,4	-7,0	0,4	-2,5
19	Таиланд	1285	-1,8	-12,2	-6,4	5,7
20	Польша	1299	1,7	-8,4	-1,5	-3,4
21	Китайская Республика (Тайвань)	1257	1,4	2,1	3,3	2,3
22	Египет	1230	5,0	н.д.	н.д.	-3,0
23	Нигерия	1075	1,5	-5,0	-3,6	-3,4
24	Пакистан	1058	н.д.	н.д.	н.д.	-0,4
25	Иран	1045	н.д.	н.д.	н.д.	-6,0
Страны СНГ						
	Страны СНГ		Январь-март в % к 2019 г.	Январь-июнь в % к 2019 г.	Январь-сентябрь в % к 2019 г.	Январь-декабрь в % к 2019 г.
1.	Азербайджан	150	101,1	97,3	96,1	95,6
2.	Армения	42,1	103,8	94,3	92,9	96,5
3.	Беларусь	189	99,7	98,3	98,7	97,0
4.	Казахстан	508	102,7	98,2	97,2	97,8
5.	Кыргызстан	35,3	101,5	94,7	94,0	96,5
6.	Молдова	36,1	100,9	92,8	91,8	95,4
7.	Россия	4136	101,6	96,6	96,5	96,1
8.	Таджикистан	32,8	107,0	103,5	104,2	104,5
9.	Туркменистан	96,2	106,3	105,9	105,8	105,5
10.	Узбекистан	245	104,1	100,2	100,4	100,6
11.	Украина	561	98,7	88,6	96,5	96,0

*Источник: Росстат. Статкомитет СНГ, Всемирный банк, МВФ, Евростат, ОЭСР, открытые данные, расче-

Рабочая гипотеза исследования состоит в следующем. Если предположить, что в условиях глобального риска пандемии экономическая политика государства радикально трансформируется, то можно будет прогнозировать тренд развития национальной экономики России на среднесрочную перспективу. Цель исследования – обозначение позиций национальной экономики РФ при проведении государственной экономической политики в условиях глобальных сдвигов и новых больших вызовов, связанных с пандемией COVID-19.

Материалы и методы исследования. Теоретико-методологические предпосылки данного исследования базируются на теории системного анализа [5], методах эволюционно-институциональной теории [4, 16–20], прогнозных, экономико-статистических, графических и аналитических методах [3–5, 12–16].

Структурно-логическая схема исследования основана: на выявлении сущности и содержания категории экономической политики конкретной страны; осуществлении оценки факторов, определяющих ее специфические особенности в условиях глобальных рисков, обусловленных пандемией и связанных с ней тотальных ограничений; обосновании теоретико-методологических подходов к определению современных трендов разработки и осуществления различных ее форм в процессе глобальных сдвигов и больших вызовов.

При оценке исследуемых специфических особенностей и современных тенденций экономической политики конкретной страны анализируется целая система индикаторов, позволяющих охарактеризовать научные исследования и практические разработки, для чего применяются основные показатели, используемые в статистике, затем оценивается их динамика по России и тем странам, которые оказывают наиболее заметное влияние на развитие глобальной экономики.

Использованными источниками статистической информации послужили данные: Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, Банка России, Министерства экономического развития Российской Федерации, Росстата, Счетной палаты, Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

Результаты исследования и их обсуждение. По мнению авторов, для проверки заявленной рабочей гипотезы следует рассмотреть факты спада объемных макроэкономических показателей различных национальных экономик мира и сопоставить полученные результаты с данными по национальной экономике РФ.

С начала пандемии ВВП США снизился на 9,0%, что является самым масштабным квартальным падением с начала сбора подобной статистики в 1947 г. Обвальное снижение ВВП стран ЕС в апреле-июне 2020 г. достигло 13,9%, а стран зоны единой европейской валюты – 14,8%, что может рассматриваться как самое глубокое снижение с 1995 г. Если проанализировать обозначенную ситуацию по конкретным европейским странам, то наибольший экономический спад продемонстрировала Испания (21,5%), что можно объяснить значительной зависимостью данной национальной экономики от наиболее пострадавшей от карантинных ограничений отрасли – сектора туризма, составляющего около 14% ее ВВП; экономика Германии испытала падение на 11,3%, вследствие чего ее ВВП снизился до уровня 2011 г.; ВВП Франции сократился на 18,9%, Италии – на 18,0%. По предварительным оценкам, падение ВВП Великобритании в апреле-июне 2020 г. является более значительным, чем в странах ЕС, составив 21,5%, в силу более продолжительного действия карантинных мер. Из развивающихся стран значительный удар был нанесен экономике: Мексики, где снижение ВВП в апреле-июне 2020 г. составило 18,7%, что выступило самым рекордным падением с начала сбора квартальной статистики по ВВП в 1993 г.; Индии, где спад ВВП составил 23,5%. Для сравнения, ВВП РФ снизился за II кв. 2020 г. на 5,6%.

Важнейшими обстоятельствами, определявшими развитие национальной экономики России и особенности ее макроэкономической политики в 2020 г., являются: введение ограничительных мер и связанный с ним спад в мировой экономике; существенный обвал цен на нефть, связанный со снижением деловой активности и ограничительные мероприятия по преодолению пандемии COVID-19.

Относительная стабилизация на глобальном финансовом рынке после введения тотального карантина практически во всех странах мира наступила, благодаря действиям центральных банков стран с резервными валютами.

Изначально учитывалось обстоятельство, что во II кв. 2020 г. подавляющая часть карантинных мероприятий будет постепенно отменяться или ослабевать, в этом случае в III–IV кв. 2020 г. предполагалось восстановление деловой активности в измерении квартал к кварталу. При этом при осуществлении макроэкономической политики государство отдавало отчет, что для полного восстановления валового внутреннего продукта необходим временной лаг, поэтому объем ВВП в III–IV кв. 2020 г. будет ниже, чем в III–IV кв. 2019 г., а за 2020 г. он снизится на 4–6%. Самое существенное снижение ВВП обусловлено падением важнейшего компонента совокупного спроса – чистого экспорта за счет снижения российского экспорта, которое, по прогнозам авторов, может составить от 10 до 15%. Одновременно по сравнению с 2019 г., существенно (на 6–10%) снизятся и инвестиции в основной капитал как важнейшая составляющая совокупного спроса – валовых внутренних частных инвестиций.

Авторами признается тот факт, что экономический рост в 2021–22 гг. будет носить восстановительный характер. По расчетам, в национальной экономике РФ будет наблюдаться рост и платежеспособного внутреннего спроса за счет реализации национальных проектов на 2,8–4,8% в 2021 г., на 1,5–3,5% в 2022 г., чему также будет способствовать смягчение проводимой Банком России денежно-кредитной политики.

По данным официального сайта Банка России [8], по итогу 2020 г. инфляция будет отличаться от запланированного им уровня и составит 3,8–4,8%, а также стабилизируется в дальнейшем на отметке 4%. Снижение внутреннего и внешнего спроса в 2020 г. сдерживает инфляцию, что без каких-либо дополнительных мероприятий монетарной политики создает риск ее существенного отклонения вниз от цели в 2021 г. и в среднесрочном периоде.

Указанное дезинфляционное влияние слабого макроэкономического спроса уже в 2020 г. компенсирует эффект таких проинфляционных факторов, как: а) ослабление российской национальной валюты; б) ажиотажный спрос на отдельные товары и услуги в марте 2020 г. Авторам близка оценка Банка России названных факторов как вызывающих временный рост инфляционных ожиданий [8].

В июле 2020 г. произошла смена в инфляционных тенденциях, когда уровень инфляции в июле-августе 2020 г. снизился, а в годовом измерении увеличился. Банком России было принято решение по снижению ключевой ставки, что способствовало падению доходности облигаций федерального займа (ОФЗ) и свидетельствовало о смягчении денежно-кредитных условий в национальной экономике РФ [8]. Так, в апреле 2020 г. доходность ОФЗ упала до уровня февраля 2020 г., чему способствовали:

– действия российского Центрального банка по поддержанию финансовой стабильности на национальном рынке;

— падение волатильности глобального финансового рынка вследствие практических действий центральных банков стран, обладающих мировыми резервными валютами.

Дело в том, что для поддержки курса национальной валюты центральный банк накапливает золотовалютные резервы. Если пассивы центральных банков, т. е. их обязательства как кредитного института, состоят из национальной валюты, то их активы представлены тем, во что вложены отмеченные обязательства, их обеспечение, т.е. золотовалютными резервами, валюта которых, гарантирующая поддержку национальной денежной единицы, и является валютой резервной. При этом в качестве последней выступает несколько наиболее стабильных, гораздо меньше подверженных инфляции валют, активно участвующих в мировых расчетах и котирующихся на валютном рынке. Доллар США, евро, британский фунт стерлингов, швейцарский франк, йена, юань, австралийский и канадский доллар используются для оплаты экспортно-импортных операций, инвестиций, валютных интервенций, поддержания валютного курса национальных валют и валютного паритета, а следовательно, и преодоления дефицита платежного баланса.

Для признания валюты в качестве мировой резервной МВФ учитывает уровень экономического развития и стабильность финансовой системы страны происхождения валюты. Главное предназначение мировых резервных валют заключается в формировании золотовалютных резервов любой национальной экономики, которые обеспечивают поддержание курса национальной денежной единицы и недопущение кризисной ситуации.

В условиях глобального экономического спада, вызванного пандемией, традиционные ме-

ры монетарной политики были исчерпаны. Так, экстренный пакет мер центральных банков стран резервной валюты касался смягчения монетарной политики. Снижение аномально низких ключевых ставок (1,75% в США и Канаде) практически до нулевой отметки осуществили: Федеральная резервная система США, Банк Англии, Банк Канады, Резервный Банк Австралии. Ключевые ставки в Центральном европейском Банке и Банке Швейцарии находились на отрицательном уровне и остались на нем после наступления спада, обусловленного пандемией.

Можно сделать вывод, что в указанных условиях признанные методы монетарной политики не приведут к стимулирующему эффекту, поэтому центральные банки стран с мировой резервной валютой осуществили нетрадиционные мероприятия денежно-кредитной политики, элементами которой выступают: широкомасштабный выкуп финансовых активов и смягчение требований к финансовым институтам при получении кредитов от Центробанков с расширением рефинансирования.

В результате: эффективность ключевой ставки как инструмента монетарной политики станет ограниченной; произойдет расширение финансирования госбюджета за счет денежной эмиссии; при наблюдаемой низкой инфляции восстановление деловой активности существенно замедлится; произойдет рост значения цифровых денег для стимулирования экономического роста.

В среднесрочной перспективе смягчение денежно-кредитных условий под влиянием осуществляемой монетарной политики будет способствовать восстановлению российской экономики и совокупного внутреннего спроса, что приведет к увеличению темпа роста спроса на кредит с 3–8% в 2020 г. до 6–11% в 2021–22 гг.

Дезинфляционные риски связаны с неопределенностью динамики распространения пандемии в РФ и в мире, масштабами антивирусных действий и их воздействием на деловую активность, скоростью восстановления глобальной и национальной экономик после ограничительных мероприятий.

Проинфляционные риски в кратковременном периоде, связанные с возможным более значительным переносом в цены произошедшего ослабления российской национальной валюты, а также с ажиотажными всплесками спроса на отдельные группы товаров, снизились. При этом нарушения логистических цепочек, вызванные ограничительными мероприятиями, обладают способностью локально наращивать цены.

Снижая размер ключевой ставки, Банк России преследовал цель обеспечения финансовой стабильности в условиях постоянно меняющейся рыночной конъюнктуры на мировом уровне. Базовый прогноз Банка России свидетельствует о том [9], что предусматривается поэтапное падение ключевой ставки с учетом фактической и ожидаемой динамики инфляции, макроэкономических экзогенных и эндогенных рисков, а также ожидаемой реакции на данные риски со стороны финансовых рынков.

При разработке упомянутого прогноза Банк России исходил из ряда предпосылок [8]: использовался консервативный подход к ценам на нефть в 2020 г., допуская их рост в среднем с 15 \$ за баррель во II кв. до 25 \$ в IV кв. При обвале глобального спроса на нефть произошел гигантский рост ее товарных запасов, что будет сдерживать восстановление цен на нефть даже в условиях стопроцентного выполнения новых соглашений ОПЕК+.

По прогнозу Банка России, ожидается постепенный рост цен на нефть до 45 \$ за баррель в 2022 г. по мере восстановления мирового спроса на нефть и снижения ее запасов.

По мере смягчения карантина Банк России прогнозирует постепенное восстановление деловой активности. Если последствия карантинных ограничений оказывают влияние на экономику с временным лагом, то их вторичные эффекты проявят себя по истечении долгосрочного периода времени. Для восстановления бизнес-процессов, логистических и производственных цепей, компенсации потерь прибыли и доходов, наращивания резервов и сбережений требуется не один квартал, что сдерживает производственную, инвестиционную, потребительскую активность. Отсюда объем ВВП в III–IV кв. 2020 г. прогнозируется со снижением по сравнению с III–IV кв. 2019 г., т. е. годовые темпы роста российской экономики будут отрицательными.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), во II кв. 2020

г. по сравнению со II кв. 2019 г. отрицательные темпы роста ВВП составили соответственно: Индии – 23,5%, Испании и Великобритании – 21,5%, Франции – 18,9%, Мексики – 18,7%, Италии – 18,0%, ЮАР – 17,2%, США – 9,0%, РФ – 5,6% [10, с. 5]. Единственной национальной экономикой, продемонстрировавшей положительный темп роста ВВП во II кв. 2020 г. по сравнению со II кв. 2019 г. с исключением сезонного фактора, является китайская экономика [10, с. 5].

Пандемия отрицательно сказалась и на рынке трудовых ресурсов. По данным Международной организации труда (МОТ), во II кв. 2020 г. количество рабочих часов в мировой экономике снизилось на 14% по сравнению с IV кв. 2019 г., что равнозначно ликвидации 400 млн рабочих мест с полной занятостью.

В апреле 2020 г. наибольший рост уровня безработицы до 14,7% произошел в США, в мае 2020 г. в Канаде уровень безработицы достиг рекордного за последние 40 лет значения в 13,7%. Несмотря на действующую с апреля 2020 г. американскую программу предоставления зарплатных кредитов малым и средним компаниям с возможностью их обращения в грант (Paycheck Protection Program, PPP), не удалось снизить стремительный рост уровня безработицы. Государственная еженедельная дополнительная выплата безработным к пособию по безработице в 600 \$ привела к преднамеренным увольнениям сотрудников с низкооплачиваемых должностей.

По мере смягчения карантина произошло постепенное восстановление занятости в различных странах: в июле 2020 г. уровень безработицы в Канаде упал до 10,9% (на 5,3 п. п. выше данного показателя до пандемии в феврале 2020 г.), в США уровень безработицы снизился до 10,2%. При этом в июле 2020 г. темп роста занятости в США замедлился относительно июня (снижение составило 0,9 п. п. против 2,2 п. п. в июне) из-за повторного карантина в отдельных штатах в условиях новых вспышек вируса. В феврале-июне 2020 г. уровень безработицы в странах Евросоюза увеличился с 6,5 до 7,1%, благодаря более эффективному, чем в США, механизму поддержания занятости, предусматривающему предоставление компенсаций сотрудникам по потерянному доходу вследствие сокращения рабочих часов напрямую от государства, без участия финансовых посредников. В данных программах в Великобритании, Германии, Франции, Италии и Испании задействовано 45 млн чел., что эквивалентно 28% занятого населения данных стран. Однако присутствуют риски дальнейшего роста уровня безработицы в данной группе стран по мере окончания сроков действия программ государственной поддержки. Несмотря на сохранение показателя уровня безработицы в Великобритании в апреле-мае 2020 г. на докризисном уровне в 3,9%, Банк Англии прогнозирует его рост до 7,5% к концу 2020 г. в связи с завершением программы поддержки занятости в октябре 2020 г. Среди развивающихся стран наиболее стремительный рост уровня безработицы наблюдался в Индии, который составил 23,5% в апреле, снизившись до 7,4% в июле 2020 г. В России с февраля по июнь 2020 г. рост уровня безработицы составил 1,6 п. п. (с 4,6 до 6,2%), в Бразилии – 1,7 п. п. (с 11,2 до 12,9%).

По прогнозу Банка России, ВВП за 2020 г. уменьшится на 4–6%. Самое существенное падение ВВП произойдет за счет снижения экспорта от 10 до 15% и инвестиций в основной капитал на 6–10% по сравнению с 2019 г. Прежде всего, финансовые ресурсы предприятия будут направлены на восстановление текущей деятельности. Снижение ВВП и инвестиций ограничит возможности для роста доходов, произойдет дальнейшее снижение личных потребительских расходов домохозяйств.

Банк России прогнозирует рост ВВП на 3–5% в 2021 г. и на 1,5–3,5% в 2022 г., который будет носить восстановительный характер за счет реализации национальных проектов. Указанному восстановлению российской экономики и внутреннего спроса будет благоприятствовать мягкая денежно-кредитная политика, что должно стимулировать рост спроса на кредит с темпом с 3–8% в 2020 г. до 6–11% в 2021–22 гг. Сохранению кредитного потенциала будут способствовать регуляторные послабления и расширение специализированных инструментов рефинансирования.

Авторам близок подход Банка России по смягчению его монетарной политики, что должно отразиться на поддержании темпа инфляции на уровне 4% в годовом измерении. Снижение внутреннего и внешнего спроса в 2020 г. будет сдерживать инфляцию.

В 2021 г. Банк России прогнозирует падение до отрицательных значений сальдо счета текущих операций (до 35 и 18 млрд \$ соответственно) из-за существенного снижения экспорта, вызванного падением внешнего спроса, а также снижением экспортной выручки.

Переход к отрицательному сальдо текущего счета является ожидаемым при значительном падении цен на нефть в условиях действия бюджетного правила, в рамках которого средства от продажи иностранной валюты позволяют поддерживать национальную экономику и внутреннее потребление. Падение импорта происходит в меньших объемах, чем падение экспорта, поэтому сальдо текущего счета уменьшится до отрицательных значений [7, 8]. В 2022 г. при ценах на нефть выше цен отсечения сальдо текущего счета будет положительным и произойдет переход к накоплению резервов за счет покупки валюты в рамках бюджетного правила.

По прогнозу Банка России, отрицательное сальдо финансового счета по частному сектору снизится с \$ 18 млрд в 2019 г. до \$15 млрд в 2020 г., что объясняется снижением ВВП, падением доходов экономики, снижением возможности для заимствований на внешних рынках в конце I – начале II кв. 2020 г. в условиях роста волатильности и неопределенности. По мере стабилизации ситуации на глобальных рынках потенциал для внешних заимствований будет восстанавливаться, что приведет к сокращению отрицательного сальдо финансового счета по частному сектору до 10 млрд \$ в 2021–22 гг.

Министерство экономического развития исходило из того, что в настоящее время нет оснований пересматривать сценарные условия прогноза социально-экономического развития, на основе которого составлен проект федерального бюджета, который одобрила Государственная дума на ближайшие три года.

В совместном макроэкономическом сценарном прогнозе основных показателей социально-экономического развития национальной экономики РФ до 2023 г. Счетной палаты и Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара была декларирована не критика прогноза Правительства РФ, а оценка существующих проблем национальной экономики. По нашему мнению, указанный прогноз является более пессимистичным, чем аналогичный прогноз Министерства экономического развития Российской Федерации [10,12–15].

По заключению государственных аудиторов Счетной палаты, по своим масштабам шок национальной экономики РФ первой половины 2020 г., вызванный падением цен на нефть, директивным введением нерабочего периода во время карантина, существенным снижением национального экспорта, связанным со спадом глобальной экономики, значительно глубже, чем глобальные кризисы 2008–2009 и 2014–2015 гг. [2, 6,11].

По заключению Счетной палаты, режим самоизоляции в первом полугодии 2020 г. обошелся национальной экономике РФ в 8% первоначально ожидавшегося ВВП 2020 г., однако следует отметить, что характер восстановления в результате отмены ограничений говорит о том, что по итогу 2020 г. масштабы снижения ВВП могут оказаться меньше. Учитывая макроэкономический риск пандемии COVID-19 и связанные с ней ограничения в дальнейшем, Счетная палата представила базовый и консервативный сценарии развития национальной экономики Российской Федерации. Согласно первому из них, основной шок национальная экономика России испытала во втором квартале 2020 г., поэтому государство не будет вводить новые жесткие ограничения и режим самоизоляции, применяя альтернативные меры сдерживания распространения вируса, связанные с пробным вакцинированием и широкомасштабным тестированием. Вакцинация и отмена ограничений в 2021 г. позволяют прогнозировать, что темп роста мировой экономики ускорится до 5% после спада на 5% в 2020 г., а в 2022–2023 гг. достигнет средних значений 2010–2019 гг., что составляет порядка 3,5% в год [1].

Заключение. Авторы считают, что базовый прогноз Банка России содержит факторы неопределенности, заключающиеся в продолжительности карантинных ограничений в нашей стране и в мире, скорости восстановления национальной и мировой экономик, волатильности на глобальных финансовых или товарных рынках. Отсюда напрашивается вывод, что при принятии решений по ключевой ставке Банку России нужно исходить из необходимости поддержания стабильности национальной экономики.

В базовом прогнозе Банка России были заложены принятые Правительством РФ бюджетные решения, что будет способствовать: а) смягчению последствий ограничительных мер для домохозяйств и национального бизнеса; б) снижению рисков отклонения инфляции вниз от

цели в предстоящие кварталы. При принятии решений по ключевой ставке Банк России учитывал модельные оценки влияния таких дополнительных бюджетных мер на ВВП, инфляцию.

Банку России следует вносить уточнения в базовый прогноз, учитывая изменения в фискальной политике, ситуацию в глобальной и национальной экономике. При этом практически при всех возможных вариантах сценария необходимо смягчать монетарную политику, в т. ч. и в случае дополнительного расширения бюджетных мер поддержки национальной экономики,

Литература

1. Бюллетень Счетной палаты №6 (271) 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.gks.ru/> (дата обращения 12.12.2020).
2. Глазьев, С. Ю. Рынок в будущее : Россия в технологическом и мирохозяйственном укладе. – М. : Книжный мир. 2018.
3. Зоидов, К. Х., Медков, А. А. Влияние пандемии коронавируса COVID-19 и мероприятий по борьбе с ней на функционирование торговых путей // Проблемы рыночной экономики. 2020. № 2. С. 48–60.
4. Зоидов, К. Х., Ковальчук, Ю. А., Степнов, И. М. Динамика институтов инновационного развития : российский и зарубежный опыт : монография. – М. : ИПР РАН, 2020.
5. Зоидов, К. Х., Урунов, А. А. Формирование механизмов регулирования российского рыночного экономического пространства ; под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М. : ИПР РАН, 2020.
6. Клейнер, Г. Б. Экономика. Моделирование. Математика : Избранные труды. – М. : ЦЭМИ РАН, 2016.
7. Родина, И. Б., Владимиров, А. Ф., Левина, Л. Ф., Михалевич, Л. Ю., Морозова, И. М., Остапенко, В. А., Сапунов, А. Л., Урунов, А. А. Макроэкономика. Основной курс : учеб. пособие для подготовки бакалавров по направлениям 38.03.01 Экономика, 38.03.02 Менеджмент. – 2-е изд., испр. – М. : Государственный ун-т управления, Институт экономики и финансов ГУУ, 2015.
8. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. – URL : http://www.cbr.ru/analytics/dkp/ddcp/longread_2_30/page/#highlight=2020 (дата обращения 22.10.2020).
9. Официальный сайт РБК [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.rbc.ru/economics/28/10/2020/5f97fbd99a7947327e47bf8c> (дата обращения 28.10.2020).
10. Прогноз основных показателей социально-экономического развития РФ на 2020–2023 г. / А.Ведев, С. Дробышевский, А. Каукин, А. Кнобель, Е. Миллер, П. Трунин, К. Тузов, Д. Зайцев, А. Косьяненко, И. Орехина, Е. Жевнов, Н. Галицкая, Т. Архипова. – М. : Счетная палата Российской Федерации, Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара, 2020.
11. Урунов, А. А. Современные противоречия экономической интеграции в региональном объединении ЕАЭС // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8-3 (85-3). С. 132–137.
12. Цветков, В. А., Дудин, М. Н. Сценарии развития глобальной экономики и основных центров экономического притяжения после окончания пандемии Covid-19 (OECD, BRICS, ASEAN, Лига арабских государств) // Проблемы рыночной экономики. 2020. № 2. С. 6–22.
13. Цветков, В. А., Дудин, М. Н. Пандемия COVID-19 как угроза продовольственной и экономической безопасности страны // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 4 (174). С. 334–344.
14. Цветков, В. А., Зоидов, К. Х., Янкаускас, К. С., Кобил, Ш. К. Влияние экономических последствий пандемии коронавируса на уровень бедности и антикризисные меры национальных правительств / Россия в XXI в. : глобальные вызовы и перспективы развития : Пленарные доклады // Материалы Девятого международного форума. Москва, 29-30 октября 2020 г. ; под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова; д.э.н., профессора Н.С. Зиядуллаева; к.ф.-м.н., доцента К.Х. Зоидова. – М. : ИПР РАН, 2020. С. 250–263.
15. Цветков, В. А. Основные макроэкономические показатели РФ по итогам 2019 г. // Проблемы рыночной экономики. 2020. № 1. С. 5–24.
16. Alchian, A. A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory // Journal of Political Economy. 1950. Vol. 58. P. 211–221.
17. Nelson, R. R., Winter, S. J. An evolutionary theory of economic change. – М. : Finstatinform, 2000.
18. The Conference Board Total Economy Database, September 2010. – М., 2010. [Electronic resource]. – URL : <http://www.conferenceboard.org/data/economydatabase/> (date of access 15.10.2016), free. The title screen.
19. Harutyunyan, V. L., Dokholyan, S. V., Makaryan, A. R. The impact of applying the common customs tariff on Armenian exports of tobacco products // Economics and Management. 2020. Т. 26. No. 4 (174). P. 358–365.
20. Zoidov, K. Kh., Sokolova, L.V., Urunov, A. A., Jankauskas, K. S. The problem of theory development the process of economic development : patterns and trends / Russia in XXI century : global challenges and prospects of development : Plenary lectures // Materials of the Ninth International Forum. Moscow, 29-30 October's 2020 ; ed. by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.A. Tsvetkov, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor K.Kh. Zoidov. – М. : MEI RAS, 2020. P. 310–328.

References:

1. Byulleten' Schetnoj palaty №6 (271) 2020 g. [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://www.gks.ru/> (data obrashcheniya 12.12.2020).
2. Glaz'ev, S. YU. Ryvok v budushchee : Rossiya v tekhnologicheskoy i mirohozjaystvennom uklade. – М. : Knizhnyj mir. 2018.
3. Zoidov, K. H., Medkov, A. A. Vliyanie pandemii koronavirusa COVID-19 i meropriyatij po bor'be s nej na funkcionirovanie torgovyh putej // Problemy rynochnoj ekonomiki. 2020. № 2. S. 48–60.

4. Zoidov, K. H., Koval'chuk, YU. A., Stepnov, I. M. *Dinamika institutov innovacionnogo razvitiya : rossijskij i zarubezhnyj opyt : monografiya*. – M. : IPR RAN, 2020.
5. Zoidov, K. H., Urunov, A. A. *Formirovanie mekhanizmov regulirovaniya rossijskogo rynochnogo ekonomicheskogo prostranstva ; pod red. chl.-korr. RAN V.A. Cvetkova*. – M. : IPR RAN, 2020.
6. Klejner, G. B. *Ekonomika. Modelirovanie. Matematika : Izbrannye trudy*. – M. : CEMI RAN, 2016.
7. Rodina, I. B., Vladimirova, A. F., Levina, L. F., Mihalevich, L. YU., Morozova, I. M., Ostapenko, V. A., Sapuncov, A. L., Urunov, A. A. *Makroekonomika. Osnovnoj kurs : ucheb. posobie dlya podgotovki bakalavrov po napravleniyam 38.03.01 Ekonomika, 38.03.02 Menedzhment*. – 2-e izd., ispr. – M. : Gosudarstvennyj un-t upravleniya, Institut ekonomiki i finansov GUU, 2015.
8. Oficial'nyj sajt Banka Rossii [Elektronnyj resurs]. – URL : http://www.cbr.ru/analytics/dkp/ddep/longread_2_30/page/#highlight=2020 (data obrashcheniya 22.10.2020).
9. Oficial'nyj sajt RBK [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://www.rbc.ru/economics/28/10/2020/5f97fbd99a7947327e47bf8c> (data obrashcheniya 28.10.2020).
10. *Prognoz osnovnyh pokazatelej social'no-ekonomicheskogo razvitiya RF na 2020–2023 g.* / A.Vedev, S. Drobyshevskij, A. Kaukin, A. Knobel', E. Miller, P. Trunin, K. Tuzov, D. Zajcev, A. Kos'yanenko, I. Orekhina, E. Zhevnov, N. Galickaya, T. Arhipova. – M. : Schetnaya palata Rossijskoj Federacii, Institut ekonomicheskopolitiki im. E.T. Gajdara, 2020.
11. Urunov, A. A. *Sovremennye protivorechiya ekonomicheskoy integracii v regional'nom ob'edinenii EAES // Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2017. № 8-3 (85-3). S. 132–137.
12. Cvetkov, V. A., Dudin, M. N. *Scenarii razvitiya global'noj ekonomiki i osnovnyh centrov ekonomicheskogo prityazheniya posle okonchaniya pandemii Sovid-19 (OECD, BRICS, ASEAN, Liga arabskih gosudarstv) // Problemy rynochnoj ekonomiki*. 2020. № 2. S. 6–22.
13. Cvetkov, V. A., Dudin, M. N. *Pandemiya COVID-19 kak ugroza prodovol'stvennoj i ekonomicheskoy bezopasnosti strany // Ekonomika i upravlenie*. 2020. T. 26. № 4 (174). S. 334–344.
14. Cvetkov, V. A., Zoidov, K. H., YAnkauskas, K. S., Kobil, SH. K. *Vliyanie ekonomicheskikh posledstvij pandemii koronavirusa na uroven' bednosti i antikrizisnye mery nacional'nyh pravitel'stv / Rossiya v XXI v. : global'nye vyzovy i perspektivy razvitiya : Plenarnye doklady // Materialy Devyatogo mezhdunarodnogo foruma. Moskva, 29-30 oktyabrya 2020 g. ; pod red. chl.-korr. RAN V.A. Cvetkova; d.e.n., professora N.S. Ziyadulaeva; k.f.-m.n., docenta K.H. Zoidova*. – M. : IPR RAN, 2020. S. 250–263.
15. Cvetkov, V. A. *Osnovnye makroekonomicheskie pokazateli RF po itogam 2019 g. // Problemy rynochnoj ekonomiki*. 2020. № 1. S. 5–24.
16. Alchian, A. A. *Uncertainty, Evolution and Economic Theory // Journal of Political Economy*. 1950. Vol. 58. P. 211–221.
17. Nelson, R. R., Winter, S. J. *An evolutionary theory of economic change*. – M. : Finstatinform, 2000.
18. *The Conference Board Total Economy Database, September 2010*. – M., 2010. [Electronic resource]. – URL : <http://www.conferenceboard.org/data/economydatabase/> (date of access 15.10.2016), free. The title screen.
19. Harutyunyan, V. L., Dokholyan, S. V., Makaryan, A. R. *The impact of applying the common customs tariff on Armenian exports of tobacco products // Economics and Management*. 2020. T. 26. No. 4 (174). P. 358–365.
20. Zoidov, K. Kh., Sokolova, L.V., Urunov, A. A., Jankauskas, K. S. *The problem of theory development the process of economic development : patterns and trends / Russia in XXI century : global challenges and prospects of development : Plenary lectures // Materials of the Ninth International Forum. Moscow, 29-30 October's 2020 ; ed. by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.A. Tsvetkov, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor K.Kh. Zoidov*. – M. : MEI RAS, 2020. P. 310–328.